

- документы. Сост. Ф.П. Макаров. Ижевск: УД-ГИЗ, 1935. 100 с.
7. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 50.
 8. Оперативная сводка 7 ноября // Сарапульская трудовая коммуна. 1918. 12 ноября.
 9. Политком Яковлев. По поводу взятия Ижевска и Воткинска // Сарапульская трудовая коммуна. 1918. 22 ноября.
 10. Ренев Е.Г. Приходские книги ижевских церквей о последних днях Ижевского восстания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 2(8). Ч. 3. С. 155-157.
 11. Ренев Е.Г. Мифы Ижевского рабочего восстания. Некоторые даты и цифры // Россия и Удмуртия: История и современность. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства / Под ред. В.В. Пузанова и А.Е. Загребина. Ижевск: Удмуртский университет, 2008. С. 640-649.
 12. Сарапульская трудовая коммуна. Орган Исполнительного комитета Сарапульского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 10 ноября.
 13. Шумилов Е.Ф. Город на Иже. Ижевск: Свиток, 1998. 400 с.
 14. Шумилов Е.Ф. Завод заводов 1917–2007. Ижевск: Ижмашпринт, 2007. 706 с.
 15. Янев. Из Ижевского плена // Сарапульская трудовая коммуна. 1918. 15 ноября.

УДК 947.084.6

Пинаев С.М.

*Московский государственный открытый университет
(филиал - Рязанский институт)*

ПОИСК ОПТИМАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ ПРОВЕДЕНИЯ ВНУТРЕННИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАЙМОВ СССР В 1920-е гг.

S. Pinaev

Ryazan Institute (branch) of Moscow State Open University

SEARCHING OPTIMUM WAYS OF CARRYING OUT HOME STATE LOANING IN THE USSR IN THE 1920s

Аннотация. Внутренние государственные займы на протяжении почти всей истории СССР были важнейшими инструментами финансовой политики государства. Эта тема по идеологическим соображениям не получила широкого освещения в историографии советского периода. В статье на основе разнообразных архивных источников исследуется поиск оптимальной формы массовых кредитных операций правительства в первое десятилетие Советской власти. Многие архивные материалы впервые вовлечены в научный оборот.

Ключевые слова: внутренние государственные займы, массовые кредитные операции, наркомат финансов, циркуляр, агитационная работа.

Abstract. Home state loans were the main tools of financial policy of the state during the whole Soviet period. The novelty of the investigation lies in the fact that on the basis of the documents from the archives we analyse the process of searching appropriate ways of large scale credit operations of the government in the first decade of the Soviet regime. For some reason the problem investigated hasn't found due consideration in the Soviet historiography. Much of the archive material has become available to a wider audience.

Key words: home state loans, large scale credit operations, People's Commissariat of Finance, official instructions, campaigning

Тема внутренних государственных займов исследована нашей исторической наукой не очень глубоко. В советские времена этому мешало несовпадение официальной точки зрения руководства страны с фактическим положением дел в этой области, в постсоветский период более важными, видимо, казались другие страницы истории. Тем не менее вопрос о внутренних государственных займах актуален и сегодня, особенно в связи с курсом на модернизацию страны, объявленным Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым. Современная ситуация в определенной мере схожа с той, которая была в 20-х гг. прошлого столетия, когда большевики искали новую экономическую модель развития. В то время идеологические установки на построение светлого будущего во многом расходились с фактическим незавидным положением большинства населения, государству не хватало финансовых и материальных средств для реализации своих грандиозных планов. И массовые кредитные операции во многом помогли решить наиболее злободневные вопросы экономического и социального развития. Почему бы не воспользоваться этим опытом сегодня?

Первые государственные займы в СССР были краткосрочными и проводились в натуральной форме. Именно такими оказались два хлебных и один сахарный займы. На их облигациях вместо денежной единицы (рубля) была напечатана другая – пуд ржи или сахара-рафинада. Такая мера вызывалась гигантской инфляцией, для борьбы с которой и проводились заемные операции. Вот что писал по этому поводу Нарком финансов СССР Г.Я. Сокольников: «Без внутреннего кредита, опирающегося на происходящий в стране процесс мелкого накопления, вести денежное хозяйство мы вообще не сможем. Если мы дадим гарантированную твердую ценность – деньги будут вкладываться в нее»¹. Первый хлебный заем был выпущен в мае 1922 г. на 10 млн. пудов ржи, второй – в марте 1923 г. на 30 млн. пудов, сахарный – в сентябре 1923 г. на 1 млн. пудов сахара-рафинада. Благодаря умело выбранной форме и широкой агитационной работе, натуральные займы были успешно реализованы. Более того, история сохранила факты их повышенной востребованности, особенно в случае со Вторым Хлебным займом. Зафиксированы случаи, когда

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 670. Оп. 1. Д. 27. С. 5.

толпы крестьян из рязанской глубинки, слишком поздно узнавших о займе, осаждали финансовый отдел Рязанского губисполкома, требуя продать им облигации [1, 156].

Однако когда правительство попыталось распространить этот опыт на массовые кредиты в денежной форме, дело застопорилось. Причины были разными: и ошибки в организационной работе, и перегибы на местах, и неготовность большинства населения к цивилизованному отношению к ценным бумагам, а главное – бедность крестьянства как основного производителя материальных благ. Производительность труда в единоличных хозяйствах была чрезвычайно низкой, культура земледелия – примитивной, кооперативные начала – в зачаточном состоянии, техническая оснащенность – почти нулевая. В таких условиях ожидать процесса стремительного накопления народом денежных средств было, по меньшей мере, наивным. Но, тем не менее, правительство видело именно в рабочих, служащих и крестьянах основной источник кредитования государства. Расчет строился на политических моментах: раз власть в стране рабоче-крестьянская и декларирует все свои действия во благо беднейших слоев населения, то они и должны откликнуться на призывы руководства. Откликнулись, но слабо. Если натуральные займы, дающие крестьянам ощутимые выгоды, шли «на ура», то с денежными вышла осечка, они в народ не пошли.

Попытки увлечь население лотерейными формами и процентными доходами дали незначительные результаты. И через несколько месяцев правительство перешло к принудительным методам их реализации. Имущие слои населения были обязаны приобретать облигации займов одновременно с уплатой налогов, приобретением патентов на торговую, заготовительную или промышленную деятельность, а подрядчики, поставщики и комиссионеры получали при расчетах часть причитающихся им денег облигациями. Вот как оценивал соотношение добровольных и принудительных займов управляющий особой частью государственных займов валютного управления Наркомата финансов СССР профессор Г. Вульф: «Если в 1922-23 г. г. добровольные займы дали 57,9% доходных поступлений, то в 1923-24 г. г. доходные поступления от них составили 38,1%, а 61,9% составили доходы от принудительных займов. Таким образом, роль принуждения в нашей политике государственного кредита стала

возрастать. Выводы будут еще пессимистичнее, если мы учтем то обстоятельство, что в цифрах не удастся уловить так называемую «добровольную принудительность», которая играет важную роль в деле реализации наших займов»¹.

«Добровольная принудительность» – это распространение облигаций займов среди рабочих и служащих по подписке в рассрочку, когда под давлением администрации, партийных, советских и профсоюзных органов всех членов трудовых коллективов обязывали покупать облигации на сумму, равную сначала 10 % от месячной зарплаты, а затем и всей месячной зарплате с годовой рассрочкой платежа. Специально созданные комиссии содействия распространению займа в городах, уездах, в учреждениях и на предприятиях строго следили за полным охватом очередным займом всех рабочих и служащих и своевременным перечислением собранных средств. Эти массовые кредитные операции подкреплялись широким размахом агитационной работы, им придавался политический характер, когда нежелание приобрести облигацию приравнялось чуть ли не к измене Родине. Во всяком случае, лозунги агитационных кампаний носили ультимативный характер: «Приобретая облигацию займа, ты укрепляешь Советскую власть!». А если не приобретаешь? Здесь можно было сделать далеко идущие выводы. В обстановке острой классовой борьбы это могло обернуться крупными неприятностями. Таким образом, в первой половине 20-х годов кредиты были в основном краткосрочными по времени, процентно-лотерейными по форме и принудительными по методам реализации. Так продолжалось до 1925 г., когда в кредитной политике произошли серьезные изменения.

В руководстве страны в тот период еще не было единства взглядов по вопросу о путях и методах строительства социализма. В первые годы Советской власти среди большевиков были и сторонники полной отмены денежных отношений во главе с Г.Л. Пятаковым, и группа Н.И. Бухарина, которая ратовала за постепенный отказ от денежных отношений. А Г.Я. Сокольников, объединивший вокруг себя многих авторитетных экономистов, наоборот, говорил о важнейшей роли денег в народном хозяйстве. На страницах газет и журналов тех лет шли ожесточенные споры о направлениях и способах построения нового социалистического общества. Большую роль

¹ Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 2. Д. 1063. С. 61.

в анализе текущих экономических процессов и выработке наиболее эффективной линии на проведение финансово-экономической политики играл Институт экономических исследований при Наркомате финансов СССР, который стал открытой дискуссионной площадкой для многих известных ученых-экономистов. Здесь часто делились своими взглядами на развитие кредитной системы страны профессор М.И. Боголепов, А.И. Буквоецкий, Г.В. Вульф, Р.Г. Гольдберг, В.Я. Железнов, З.С. Каценеленбаум, В.Н. Твердохлебов, Л.Н. Юровский и другие. Обсудив эффективность кредитной политики правительства на своем совещании в июне 1924 г., ученые пришли к выводу, что дальнейшее применение принудительных методов при распространении займов нецелесообразно, так как они подрывают престиж государственного кредита, снижают курс облигаций из-за их массового сброса и заставляют государство увеличивать расходы на их проведение².

Это привело к серьезным изменениям в практике работы высших органов управления. Циркуляр Наркомата финансов от 27 марта 1925 г. № 518 констатировал: «Изданное 21 февраля 1925 г. Постановление Совета Народных Комиссаров о прекращении принудительного размещения Второго выигрышного займа означает собой переход к новым принципам в области государственного кредита СССР»³. Выпущенные в этот период займы были чрезвычайно выгодными для населения: они давали 11 % – 12% годового дохода, освобождали суммы доходов от всех налогов и сборов, сами облигации принимались в уплату налогов, государственных платежей, участвовали в залоговых и ссудных операциях. Правительство явно пыталось нащупать оптимальный вариант в определении наиболее эффективной для государства и приемлемой для населения формы внутреннего государственного займа. Однако эти меры не изменили тактику действий исполнительных органов власти на местах, лишь перенес акцент в реализации займов из экономической в идеологическую и организационную сферы. При этом директивы центра постоянно напоминали о необходимости строгого соблюдения принципа добровольности при распространении облигаций займа. Однако комиссии содействия никто распускать не собирался, да и разнарядка сверху на реализацию займов оставалась в силе. Это

² РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 966. Ч. 2. С. 188.

³ Государственный архив Рязанской области (далее ГАРО), Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 797. С. 211.

видно из руководящих указаний по Первому займу индустриализации. Так, циркуляр Наркомата финансов от 24 октября 1927 г. № 1-62 требовал от финансовых органов на местах «...на предприятиях, где результаты работы признаны незначительными, провести повторные кампании с привлечением работников финансового аппарата, городского Совета, партийных и профсоюзных организаций до тех пор, пока не будет достигнут положительный результат». А циркуляр от 25 октября 1927 г. № 6-к призывал к осторожности: «... есть случаи появления материалов по займу в форме, могущей создать у широких слоев населения впечатление, что применяются принудительные меры размещения (предлагается задание, разверстка, постановили обязать и т. п.). Это нежелательно. Надо договориться с редакторами местных газет об устранении этих моментов, не ослабляя агиткампании в целом»¹.

Фактически давление на население оставалось, но признаваться в этом власть не хотела. В ходе проведения последующих займов индустриализации эта схема была отработана окончательно. Об этом красноречиво говорит Третий заем индустриализации, который был объявлен постановлением ЦИК и СНК от 25 июля 1929 г. на сумму 750 млн. рублей и сроком на десять лет. Он был выигрышным, процентным, полностью ликвидным и реализовывался в виде широкой политической кампании. Впоследствии эта форма проведения займов оставалась практически неизменной. Вот что писал известный экономист М. Боголепов по этому поводу: «Займы реализуются в форме широких общественных кампаний, оплата подписанных сумм происходит по системе широкой рассрочки, а тиражи займов превращаются в праздники индустриализации и служат хорошим агитационным средством». Значительно изменилось содержание и направленность агитационной и организационной работы, которые стали более агрессивными и жесткими, отражая в своей сути происходящие изменения в политической и идеологической сфере. Об этом красноречиво свидетельствуют откровенные высказывания ответственного работника Наркомата финансов И.В. Эпштейна: «Мы будем осуществлять моральное воздействие. По 1-му займу индустриализации мы это делали стыдливо. Сейчас мы говорим открыто, что хотим создать такое настроение на предприятиях и в учреждениях,

при котором станет зазорным не купить заем. Интересы отдельного работника должны быть подчинены общим интересам»².

Предметом особого внимания правительства было 120-миллионное сельское население. В середине 1920-х гг. для него были проведены три специальных Крестьянских займа на очень выгодных для покупателей облигаций условиях. Первый Крестьянский заем был объявлен постановлением ЦИК и СНК от 19 марта 1924 г. на сумму 50 млн. руб. сроком на два года. Номинал облигаций был очень низким, и, следовательно, они были доступными для бедных слоев населения: 1, 3 и 5 рублей. Кроме того, в начале распространения займа его облигации можно было купить по льготному курсу – 85 коп. за 1 руб. В апреле 1925 г. был произведен повторный выпуск этого займа на сумму 100 млн. руб. Осенью этого же года правительство выпускает Второй Крестьянский заем на 100 млн. руб., а на следующий год – Третий. Но в целом попытка вовлечь в заемные операции деревенское население дала незначительные результаты, они в основном были реализованы в городе по подписке. Более того, «Заем укрепления крестьянского хозяйства», выпущенный в 1928 г., породил методы принудительного распространения, которыми он и был реализован, что вызвало недовольство у сельского населения.

Постепенно стала вырисовываться модель займов, соответствующая политической сути правящего режима – добровольного по форме и принудительного по содержанию. Лучшее всего об этом свидетельствует выдержка из передовой статьи журнала «Финансы и народное хозяйство» № 30 за 1928 г.: «За шесть лет было выполнено девятнадцать займов. Они были разнообразных типов, на разные суммы, с различными процентами и сроками, что характеризует период опытов и исканий, период нащупывания методов работы и охвата той среды, в которой могут быть размещены советские займы. Этот период закончен». Об этом же говорилось и на пленарном заседании коллегии Наркомата финансов СССР в начале 1928 г.: «Методы размещения займов среди рабочих и служащих найдены, проверены на опыте и могут применяться без существенных изменений в дальнейшем, надо только решить вопрос о правильном и полном обслуживании огромного числа держателей государственных займов. Комиссии содействия, которые создавались нами на период

¹ ГАРО. Ф. Р-79. Оп. 5. Д. 13. С. 221, 229.

² РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 6. Д. 383. С. 224.

размещения займов, должны превратиться в постоянные общественные органы, ведущие работу в области государственного кредита и осуществляющие как агитационно-пропагандистские, так и справочно-посреднические функции»¹.

Оценивая 1920-е годы с точки зрения проведения кредитной политики государства, можно выделить три этапа: натуральные займы 1922-1923 гг., переход от принудительных к добровольным займам в 1924-1927 гг. и добровольно-принудительные займы конца 1920-х гг. Особенностью поиска оптимальной формы внутренних займов можно считать их направленность: если сначала они были рассчитаны на сельское, городское трудовое и городское нетрудовое население, то к концу десятилетия, по мере реализации программных положений партии большевиков на борьбу с капиталистами, займы обращаются только к городскому трудовому и нетрудовому населению. Сворачивание нэпа, огосударствление всех сторон экономической и общественной жизни страны привели к значительному сокращению нетрудового населения, уменьшению его роли в финансовых операциях, что позволило перейти на единственную форму внутренних государственных займов, направленную только на трудящиеся массы. К началу 30-х гг. внутрипартийная борьба в ВКП (б) закончилась победой политических сил во главе со Сталиным, что привело к построению жесткой командно-административной системы руководства всеми сторонами жизни общества, усилению партийного диктата, присвоением партийными органами государственных функций. На практике это означало широкое применение репрессивных мер, связанных с реализацией известного тезиса Сталина об усилении классовой борьбы по мере продвижения страны по пути социалистического строительства. Борьба с так называемыми «вредителями» и «врагами народа» создавала в стране обстановку страха, боязни высказывать собственное мнение, отличное от государственной и партийной линии, воспитывала население в духе покорности и соглашательства.

В сочетании с небывалым размахом пропагандистской работы по внедрению основ марксизма-ленинизма в сознание народа это дало феноменальные результаты, в том числе и в области кредитной политики. 22 февраля 1930 г. правительством принимается постановление о хранении облигаций займов в кредитных учреж-

дениях и запрещению любых операций с ними без разрешения Комиссий содействия государственному кредиту и сберегательному делу. Хотя формально облигации оставались собственностью своих владельцев, забрать их для продажи или залога теперь можно было только с разрешения соответствующей Комиссии содействия. Вот выдержка из инструкции Комиссиям содействия госкредиту и сберегательному делу, прикрепленных к Рязанскому отделению госбанка: «... могут быть случаи, что причиной продажи облигации могут быть расходы на удовлетворение каких-либо текущих потребностей займодержателя (покупка одежды, обуви, ремонт жилища и т. п.). В своей работе по выдаче разрешений Комиссиям содействия необходимо строго придерживаться инструкции Центральной Комиссии содействия от 8 марта 1930 г., выдавая таковые только в исключительных случаях. Каждый займодержатель и каждая Комиссия содействия должны осознавать, что удовлетворение временных текущих потребностей займодержателя должно уступить перед удовлетворением потребностей развертываемого социалистического строительства»². Анализ газетных публикаций того времени показывает, что эта инициатива была встречена трудящимися с пониманием и одобрением.

Эволюция государственной кредитной политики закончилась принятием добровольно-принудительной формы распространения займов по подписке в рассрочку с практической невозможностью владельцев распоряжаться своими облигациями. С усилением идеологического нажима на население, с одной стороны, а с другой – распространением террора и широким применением репрессивных мер, порождающих страх в обществе, эта форма стала единственной, превратившись фактически в дополнительное налогообложение населения. При всей своей жесткости и несправедливости эти методы распространения внутренних государственных займов позволили обеспечить экономику значительными дополнительными источниками финансирования, что, несомненно, сыграло положительную роль в модернизации и укреплении страны накануне новой войны.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Большая советская энциклопедия. М., 1930.
2. Рязанская банковская энциклопедия. Рязань: Мир, 2010.

¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 6. Д. 381. С. 3.

² ГАРО. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 248. С. 160.